

письменных источников. Кроме того, нет ни одного обобщающего труда по вопросам денежного счета и монетной стопы, крайне необходимого для исследователей экономической истории Латвии.

Помимо собирания возможно более полной информации о различных мерах и их математическом выражении, на историческую метрологию возлагаются и другие задачи. Меры, вес, монетное дело и тому подобное должны рассматриваться «как общественное явление, продукт своей эпохи»,⁸⁷ и в большей мере, чем до сих пор, следует использовать метрологический материал для раскрытия существовавших социально-экономических отношений, эксплуатации крестьян помещиками и купцами. В этом направлении и для метрологов Латвии работа только начата.

Н. А. БАЗАКОВА

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ ДОГОВОРЫ 1509 г.

Сношения с Ливонией занимали особое место в системе международных отношений России XIII—первой половины XVI в. После завоевания Восточной Прибалтики немцами в конце XII—начале XIII в. и вплоть до перехода ее под власть Польши и Швеции во второй половине XVI в. Ливония была ближайшим западным соседом Новгорода и Пскова, а затем Русского государства. Через ее территорию проходили торговые пути, связывавшие Россию с Западной Европой, и ливонские города являлись посредниками в торговле между ними. Вместе с тем Ливонский орден был постоянным очагом агрессии в отношении русских земель, и на русско-ливонской границе не раз вспыхивали военные конфликты. Поэтому русско-ливонские договоры, регулировавшие как политические, так и экономические отношения между русскими землями и Ливонией, являлись актами, имевшими весьма существенное значение для международного положения России того времени.

В цепи русско-ливонских договоров XIII—XVI вв. одними из важнейших были договоры 1509 г. Если предшествующие договоры почти непрерывно менялись по содержанию и формуляру, отражая тем самым неустойчивость, существовавшую в сфере русско-ливонских отношений, то условия договоров 1509 г. повторялись лишь с немногими изменениями во всех последующих договорах первой половины XVI в., а это означало, что договоры

⁸⁷ Такого мнения придерживается историк-медиевист В. В. Дорошенко, см.: А. К. Бирон, В. В. Дорошенко. Советская историография Латвии. Рига, 1970, стр. 145. Задачи исторической метрологии так понимает и польский историк Витольд Куля (W. Kula. *Metrologia historyczna. (Uwagi o jej zadaniach badawczych)*. Przegląd Historyczny, 1959, 1).

1509 г. создали почти на полстолетия, очень важного в истории России, базу для устойчивых отношений между Русским государством и Ливонией.

Однако, несмотря на бесспорную важность, договоры 1509 г. остаются до сих пор по существу не изученными. Отдельные исследователи, упоминавшие договоры в своих работах, ограничивались лишь кратким, часто в несколько строк, изложением некоторых статей с добавлением иногда столь же кратких замечаний о выгодности их для того или иного участника договора.¹ Для определения роли и значения договоров 1509 г. в истории внешней политики России необходимо развернутое исследование их содержания в сопоставлении с предшествующими и последующими русско-ливонскими договорами и с учетом наиболее существенных факторов международной жизни в Прибалтике в начале XVI в.

В течение двух последних десятилетий XV в. на русско-ливонской границе сохранялось затишье, установившееся после развязанной Ливонским орденом и неудачной для него войны 1480—1481 гг. Отношения между Россией и Ливонией определялись в этот период договором 1481 г., возобновленным в 1493 г.² Договоры 1481 и 1493 гг. регулировали вопросы, касающиеся границы и торговых сношений между обеими сторонами.³

В 1501 г. мир на русско-ливонской границе был нарушен. Магистр Ливонского ордена Вальтер Плеттенберг, стремившийся к ослаблению России, решил использовать для этого благоприятную ситуацию, созданную войной, вспыхнувшей в 1500 г. между Россией и Литвой из-за вопроса о судьбе русских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. 21 июня 1501 г. Плеттенберг вступил в союз с Александром литовским, и летом 1501 г. Ливония начала военные действия против России.

Однако надежды, возлагавшиеся на ливонско-литовский союз, не оправдались. К концу 1502 г. выяснилась вся бесперспективность для Литвы и Ливонии дальнейшего продолжения войны. Весною 1503 г. в Москве при посредстве венгерского посла про-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 5, кн. III. М., 1960, стр. 232—233; E. Seraphim. Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der Auslegung der Lande bis zur Einverleibung in das russische Reich, Bd. I. Reval, 1897, S. 301; R. Kentmann. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. Reval, 1930, S. 54—55; S. Svensson. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall på den livländska ordensstaten 1558. Lund, 1951, S. 37—38; T. Esper. Russia and the Baltik 1494—1558. Slavic Review, 1966, september, p. 463—464.

² Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР), т. I. СПб., 1846, № 75, 112.

³ См.: Н. А. Казакова. Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV века. Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 328—331, 335.

ходили переговоры, в результате которых была достигнута договоренность о заключении шестилетних перемирий между Россией и Литвой и Россией и Ливонией.

Были подписаны три русско-ливонские перемирные грамоты: между Новгородом и Ливонией, Псковом и Ливонией и между Псковом и Дерптским епископством.⁴

После вхождения Новгорода в состав Русского государства договоры с Ливонией, а также со Швецией и Ганзейским союзом продолжали заключаться формально Новгородом. Это обстоятельство было обусловлено, как нам кажется, традицией и тем, что экономические и порубежные вопросы в сношениях с названными странами и Ганзой касались в первую очередь бывшей Новгородской земли; вместе с тем могло играть роль и отношение русского правительства к Ливонии, Швеции и Ганзе как к политическим силам «второго ранга» (с Польшей и Империей договоры заключались непосредственно великим князем). Фактически с конца XV в. международные договоры Новгорода являлись договорами не Новгорода, а Русского государства. Сказанное относится и к перемирной грамоте Новгорода с Ливонией 1503 г. Подписание отдельной перемирной грамоты между Псковом и Ливонией было обусловлено тем, что Псков в это время сохранял еще свою политическую самостоятельность. И, наконец, заключение особого перемирия Пскова с Дерптским епископством (особые псковско-дерптские договоры известны с 1463 г.) определялось, очевидно, тесными экономическими связями, существовавшими между ними.

Из трех русско-ливонских перемирных грамот 1503 г. сохранились только новгородско-ливонская и псковско-ливонская. По условиям этих грамот устанавливалось перемирие на 6 лет; подтверждалась неприкосновенность границ; послам каждой из сторон гарантировался «чистый путь»; устанавливалось, что для разбора «обидных» (спорных) дел в течение срока перемирия должен состояться съезд на границе — на Нарове; на ливонскую сторону возлагалось обязательство освободить задержанных во время войны псковских и новгородских купцов.⁵ Как видим, перемирные грамоты включали лишь ограниченное число статей, целью которых являлось предупреждение инцидентов, могущих повлечь за собой нарушение перемирия. Весь же сложный комплекс вопросов русско-ливонских отношений, как политических (в первую очередь о враждебном России союзе Ливонии с Литвой), так и экономических (в частности, о возобновлении прерванной во время войны торговли), в перемирных грамотах не

⁴ Отчет ливонских послов о переговорах 1503 г. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 2-te Abteilung (далее — LUB 2). Bd. II. Riga, Moskau, 1905, N 443, § 66, 75.

⁵ LUB 2, Bd. II, № 509; Bd. III, Riga, Moskau, 1914, № 925; см. также: Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП), М.—Л., 1949, № 347.

рассматривался. По-видимому, решение его было отложено до заключения мирных договоров.

В результате русско-ливонских переговоров, происходивших в начале 1509 г.,⁶ были заключены три мирных договора: между Новгородом и Ливонией, Псковом и Ливонией и между Псковом и Дерптским епископством. Все три договорные грамоты сохранились. Наиболее важной из них как по значению включенных в нее статей, так и потому, что она являлась по существу договором Русского государства, была договорная грамота Новгорода с Ливонией. Именно с нее и целесообразно начать анализ русско-ливонских договоров 1509 г.

Договор Новгорода с Ливонией был заключен сроком на 14 лет, начиная с 25 марта 1509 г. В заключении договора с русской стороны участвовали новгородские наместники князя Даниила Васильевич и Григорий Федорович, бояре Степан Петрович Самицкий и Иван Тимофеевич Самицкий, купеческие старосты Фома Данилович Саларов и Алексей Григорьевич Куриков, с немецкой стороны — представлявшее всех ливонских ландсгерров (магистра, архиепископа, епископов) посольство в составе Иоганна Гильдорпа, Иоганна Ольдензее, Иоганна Кавера и Керстена Зойе.

В договоре можно выделить несколько важнейших групп статей: 1) о союзе Ливонии с Литвой, 2) о русско-ливонской границе, 3) о торговле, 4) о принципах юрисдикции и нормах судопроизводства в отношении находящихся на чужбине купцов.

Вопрос о союзе Ливонии с Литвой рассматривается во введении к договору. Указывается, что «по божьей воле и по велению великого князя Василья, божьей милостью царя и государя всех русских и великого князя владимирского» и т. д. магистр, архиепископ и епископы били челом, чтобы великий князь снял гнев за то, что они «отстали» от отчины великого князя Великого Новгорода и «пристали» к королю польскому,⁷ чтобы великий князь «пожаловал» их, велел своим наместникам в Новгороде и своему наместнику князю псковскому взять мир с магистром, архиепископом и всеми епископами и всей Ливонской землею по старине и купечество в своих отчинах держать по старине. Затем излагается ответ великого князя на челобитье ливонских ландсгерров: указывается, что поскольку они отступили от польского короля и великого князя литовского, то великий князь их пожаловал, велел наместникам новгородским заключить с ними просимый мир. Последующие формулы содержат обязательство ливонских ландсгерров впредь к королю польскому и великому князю

⁶ Источники не освещают хода переговоров 1509 г. Известия об отдельных моментах переговоров, встречающиеся в документах, относящихся ко времени после заключения договоров, мы приведем далее.

⁷ Имеется в виду заключение в 1501 г. ливонско-литовского союза до истечения срока действия заключенного в 1493 г. на 10 лет русско-ливонского договора.

литовскому «не приставать» и не оказывать ему никакой помощи в случае распри между ним и великим князем московским.⁸

В рассматриваемых формулах введения к договору не только формулируются обязательства ливонских ландесгерров расторгнуть направленный против России союз с Литвой и впредь в такой союз не вступать, но и весь вопрос о ливонско-литовском союзе трактуется с русской точки зрения: заключение союза расценивается как измена отчине великого князя Великому Новгороду, вызвавшая справедливый гнев великого князя, расторжение союза — как предпосылка «пожалования» великого князя, его согласия на заключение мира с Ливонией.

Победе русской точки зрения предшествовала длительная дипломатическая борьба. Взгляд на заключение Ливонией союза с Литвой как на отступничество от Новгорода официально был изложен русскими представителями еще во время русско-ливонских переговоров 1503 г.⁹ Однако требование расторжения союза тогда не выдвигалось и в перемирных грамотах вопрос о ливонско-литовском союзе не затрагивался.

Требование о расторжении Ливонией союза с Литвой было предъявлено русской дипломатией в 1505 г. Впервые оно было высказано в грамоте Ивана III от 19 июля 1505 г. императору Максимилиану, приславшему в Москву посла с просьбой об освобождении ливонцев, захваченных в плен во время русско-ливонской войны 1501—1503 гг. В грамоте Максимилиану Иван III в качестве предварительного условия освобождения пленных ливонцев выдвинул требование об отказе Ливонии от союза с Литвой.¹⁰ Это требование было изложено и в ответе великого князя посольству ливонского магистра, посылавшему летом 1505 г. по просьбе ливонских городов своего посла к новгородским наместникам с ходатайством о восстановлении русско-немецкой торговли в Дерпте и Нарве (торговля, прерванная во время войны 1501—1503 гг., по условиям перемирия 1503 г. не была восстановлена, и ливонские города, чье благосостояние зиждилось на торговле с Россией, добивались хотя бы частичного восстановления ее в Нарве и Дерпте). Сообщая Ревелю о результатах посольства, Плеттенберг в письме от 27 июля 1505 г. писал, что его посольство, посланное в Новгород, должно было ожидать там ответа от великого князя и что этот ответ гласил следующее: после того как будут оплачены все товары (очевидно, пограбленные у русских купцов в ливонских городах, — *Н. К.*)

⁸ Договор Новгорода с Ливонией. LUB 2, Bd. III, N 583, S. 418—419; другие издания договора: Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским (далее — РЛА). СПб., 1868, № 306; Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД), ч. V. М., 1894, № 57.

⁹ Отчет ливонских послов о переговорах 1503 г. LUB 2, Bd. II, N 443, § 42—44, 59.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стр. 133—135.

и дана управа по всем обидным делам, и Ливония откажется от союза с королем польским, следует послать послов в отчину великого князя в Великий Новгород бить челом, чтобы торговля была бы разрешена. Ответ ливонского магистра на русские предложения источники не сохранили, но, очевидно, он был отрицательным: во всяком случае в упомянутом письме Ревелю Плеттеберг расценил эти предложения как проявление высокомерия со стороны русских.¹¹

Требование об отказе Ливонии от союза с Литвой было повторено русской дипломатией и в 1507 г. В феврале 1507 г. ливонские города от имени всех 73 ганзейских городов обратились к Василию III с письмом, в котором просили вернуть ганзейцам товары, конфискованные у них в 1494 г. при закрытии немецкого двора в Новгороде.¹² Василий III в ответной грамоте от 8 апреля писал, что предыдущие ганзейские посольства получали отрицательный ответ, потому что магистр, епископы и вся Ливония, а также 73 ганзейских города вступили в союз с Литвой и причинили большой ущерб Новгороду и Пскову; великий князь требует, чтобы этот союз был расторгнут, ущерб возмещен, и тогда города могут послать посольство к новгородским наместникам для переговоров о мире.¹³

Приведенные факты показывают, что с 1505 г. русское правительство в качестве одной из насущных задач своей прибалтийской политики выдвинуло задачу отказа Ливонии от союза с Литвой и недопущения впредь повторения этого союза. Постановка этой задачи диктовалась жизненными интересами Русского государства. Главнейшим вопросом внешней политики России в начале XVI в. являлся вопрос о возвращении русских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. В результате русско-литовской войны 1500—1503 гг. Русскому государству была возвращена лишь часть этих земель. Значительная часть их, в том числе и Смоленск, крупный политический и экономический центр, оставалась под властью Литвы. Между тем литовское правительство не только не помышляло об их возвращении, но и на переход к Русскому государству по условиям перемирия 1503 г. Чернигово-Северской земли, Гомеля, Брянска и других районов смотрело как на временную уступку принадлежавших ему земель.¹⁴ В таких условиях вспышка новой русско-литовской войны была неизбежна, и для русского прави-

¹¹ LUB 2, Bd. II, N 784, S. 610.

¹² Рецесс съезда ливонских городов в Пернау в феврале 1507 г. и письмо городов великому князю. Akten und Recesse der livländischen Ständetage (далее — AR), Bd. III. Riga, 1909, N 32, § 12—13; Hanserecesse, 3-te Abteilung (далее — HR 3). Bd. V. Leipzig, 1894, N 157.

¹³ Грамота Василия III ганзейским городам. HR 3, Bd. V, № 162, Anm. 1.

¹⁴ Посольство Александра, короля польского и великого князя литовского, к ливонскому магистру 3 сентября 1503 г. LUB 2, Bd. II, № 534.

тельства было чрезвычайно важно оторвать Ливонию от Литвы и гарантировать на будущее ее нейтралитет. Для достижения этой цели правительства Ивана III и Василия III использовали, как мы видели, не только политические, но и экономические рычаги, ставя вопрос о возобновлении русско-немецкой торговли в зависимость от расторжения Ливонией союза с Литвой.

Не было беспочвенным и предъявленное в 1507 г. ганзейским городам требование о расторжении союза с Литвой. Хотя Ганза не являлась, подобно Ливонии, союзницей Литвы, но основания опасаться такого союза были: Александр литовский еще в 1498 г. обращался к главе Ганзейского союза Любеку с предложением заключить литовско-ганзейский союз;¹⁵ Сигизмунд, король польский и великий князь литовский, в 1507 г. вновь выразил готовность вступить в союз с Ганзой против России;¹⁶ кроме того, ливонские города, бывшие членами Ганзейского союза, входили в состав Ливонии и являлись, следовательно, участниками ливонско-литовского союза. Поэтому требование о расторжении Ганзой союза с Литвой отнюдь не было плодом досужих вымыслов русских дипломатов, как это может показаться на первый взгляд, поскольку Ганза не являлась союзницей Литвы; оно находило опору в реальной политической обстановке и имело целью предотвратить заключение литовско-ганзейского союза и оказать давление через Ганзу и входившие в ее состав ливонские города на ливонских ландесгерров, чтобы побудить их отказаться от союза с Литвой.

По новгородско-ливонскому договору 1509 г. цель, поставленная русским правительством, была достигнута. Требование о расторжении союза с Литвой, которое Плеттенберг в 1505 г. квалифицировал как проявление высокомерия со стороны русских, было принято ливонскими ландесгеррами. Несомненно, что изменение позиции Ордена, руководящей силы Ливонской конфедерации, было обусловлено рядом причин, в том числе и трениями между Орденом и Литвой, усилившимися к этому времени,¹⁷ и особенно заключением Литвою после русско-литовского военного конфликта 1507—1508 гг. «вечного» мира с Россией 8 октября 1508 г.¹⁸ Но несомненно также, что большую роль в изменении позиции Ордена сыграла и охарактеризованная выше настойчивая борьба русского правительства за расторжение ли-

¹⁵ Письмо Любека Риге, Дерпту и Ревелю от 18 июня 1498 г. LUB 2, Bd. I. Riga, Moskau, 1900, N 700.

¹⁶ Письмо Сигизмунда Данцигу от 26 августа 1507 г. HR 3, Bd. V, N 285.

¹⁷ Орденские чины обвиняли литовское правительство в том, что оно не оказало Ордену должной поддержки во время войны 1501—1503 гг.; к тому же Орден опасался, что Сигизмунд намеревается подчинить Пруссию; правительство Сигизмунда было недовольно отклонением Орденом просьбы о помощи против русских в 1508 г. (R. Kentmann p. Op. cit., S. 50—53).

¹⁸ АЗР, т. II, СПб., 1848, № 43.

вонско-литовского союза и обеспечение нейтралитета Ливонии. Достижение этой цели, зафиксированное в новгородско-ливонском договоре 1509 г., явилось крупной победой русской дипломатии.

Следующие за введением статьи договора касаются вопросов, связанных с русско-ливонской границей. Подтверждалась старая пограничная линия — от озера Пейпус (Чудского) по Нарове до Соленого моря (Финского залива). На участников договора возлагалось обязательство строго соблюдать пограничный рубеж: не вступать на территорию другой стороны, не допускать покоса там сена, ломки кустарника, ловли рыбы.¹⁹ Отметим, что статьи о границе договора 1509 г. повторяли соответствующие статьи договоров 1448, 1481 и 1493 гг.²⁰ Это свидетельствует о том, что русское правительство стремилось лишь к созданию устойчивого мира на своих западных рубежах и не добивалось каких-либо территориальных приобретений за счет Ливонии.

Самый обширный раздел договора составляют статьи, трактующие вопросы торговли. Начинается он с общей статьи, гарантирующей новгородским купцам свободный проезд и торговлю всеми товарами (без исключения) в Дерпте, Нарве, Ревеле, Риге и других ливонских городах. Эта статья, обычная для русско-ливонских договоров, встречается в них начиная с договора 1421 г.²¹ Затем идут статьи об условиях торговли новгородцев в Нарве: если торговая сделка была совершена на реке и новгородец взял товар у немца из его бусы прямо в свою ладью, то новгородец не должен платить пошлины; пошлины с новгородцев не взимать и в том случае, если они, направляясь в другие ливонские города, перегружали свои товары на телеги в Нарве; продаваемый новгородцами воск немцы могли «колунать» (откалывать куски воска для проверки его качества) только понемногу; весы для взвешивания воска следовало привести в соответствие с новгородскими; за взвешивание брать с новгородцев по старине 1 шиллинг и 3 пфеннинга. Следующие статьи касались условий проезда новгородцев по территории Ливонии: новгородцу разрешалось по своему выбору брать в проводники либо горожанина, либо селянина, а в случае надобности купить лошадь и по предъявлении ее в Нарве фогту и уплате пошлины вывезти в Россию.²² Перечисленными статьями создавались благоприятные условия для деятельности новгородских купцов в Ливонии и особенно в Нарве, важнейшем центре торговли новгородцев в Ливонии. Заимствованы эти статьи были из договоров 1481 и 1493 гг.²³, что свиде-

¹⁹ LUB 2, Bd. III, N 583, S. 420.

²⁰ ГВНП, № 73, стр. 120—121; АЗР, т. I, № 75, стр. 96 и № 112, стр. 131.

²¹ Договоры 1421, 1448 гг. ГВНП, № 60, стр. 99; № 72, стр. 118—119; № 73, стр. 121; договоры 1481, 1493 гг. АЗР, т. I, № 75, стр. 96 и № 112, стр. 131; договор 1509 г. LUB 2, Bd. III, N 583, S. 420.

²² LUB 2, Bd. III, № 583, S. 420.

²³ АЗР, т. I, № 75, стр. 96—97 и № 112, стр. 131—132.

тельству о неослабевающем внимании великокняжеского правительства к вопросам заграничной торговли русского купечества и о его стремлении покровительствовать развитию этой торговли.

В последующих статьях раздела рассматривались условия торговли ливонских купцов в Новгородской земле: ливонским купцам²⁴ гарантировался свободный проезд и торговля всеми товарами, исключая соль; соль привозить в Новгородскую землю запрещалось; немцам запрещалось также иметь корчмы в Новгороде и его окрестностях; разрешалось торговать в Новгороде на своих дворах. По сравнению с предшествующими русско-ливонскими договорами эти статьи вводили для немцев новое важное ограничение — на торговлю солью.²⁵

Трудно переоценить значение для русско-ливонской торговли запрета на ввоз в Россию соли, введшегося по договору 1509 г. Соль являлась одним из важнейших предметов импорта из Ливонии в Россию. В экономике ливонских городов и особенно Ревеля транзитная торговля солью, поступавшей из Западной Европы и транспортировавшейся далее в Россию, играла огромную роль.²⁶ Поэтому запрет на ввоз соли в Россию затрагивал жизненные интересы ливонских городов. Но запрещение ввоза соли не могло быть безразличным и для русской стороны, ибо соль, в отличие от некоторых других предметов импорта с Запада (благородных металлов, дорогих сукон и т. д.), являлась товаром широкого потребления.

Чем же руководствовалось правительство Василия III, идя на такой серьезный шаг? Р. Кентманн полагает, что запрет на ввоз соли был вызван стремлением русского правительства нанести удар по ливонским городам.²⁷ С. Свенссон высказывает мнение о том, что поступок Василия III был продиктован желанием обойтись собственной солью и находился в связи с ростом в это время русских соляных промыслов.²⁸ Чтобы проверить правильность высказанных точек зрения, обратимся к источникам.

Источники, в которых идет речь о русско-ливонских договорах 1509 г. и о предшествовавших их заключению переговорах, дважды сообщают о мотивах, побудивших великого князя ввести запрет на торговлю солью. В письме ливонского магистра Ревелю от 22 мая 1509 г. указывается, что послы магистра проявили много старания, чтобы отклонить великого князя от введения запрета; об этом же просили его и псковичи, дававшие большие

²⁴ В тексте сказано «купцам князя магистра», эта формула означала: купцы — подданные магистра, т. е. ливонские купцы.

²⁵ LUB 2, Bd. III, N 583, S. 420—421; ср. договоры 1481 и 1493 гг.: АЗР, т. I, № 75, стр. 97 и № 112, стр. 132.

²⁶ А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 230—238, 254—256.

²⁷ R. Kentmann. Op. cit., S. 61—62.

²⁸ S. Svensson. Op. cit., S. 37—38.

дары. Но все старания оказались напрасными: великий князь не хочет, чтобы чужая соль ввозилась в его страну.²⁹ В рецессе съезда ливонских городов в Пернау от 22 июля 1509 г. подчеркивалось, что запрет ввоза соли в Россию очень тяжел для городов, особенно для Ревеля, который «построен на соли». Но присутствовавший на съезде представитель магистра Иоганн Гильдорп, возглавлявший весной 1509 г. посольство в Россию, разъяснил, что ему пришлось, чтобы не уехать без мира, согласиться на этот запрет; далее Гильдорп добавил, что великий князь не хочет разрешить ввоз соли в свою страну, так как полагает, что она имеет достаточно собственной соли.³⁰

Еще обстоятельнее позиция великого князя в вопросе о торговле солью освещается в отчете о русско-ганзейских переговорах 1510 г. В 1510 г. ганзейскому посольству, прибывшему в Новгород для переговоров о ликвидации русско-ганзейского конфликта и заключении русско-ганзейского договора,³¹ был предъявлен русский проект договора, включающий в числе прочих статей и статью о запрете ввоза соли в Россию. На протесты ганзейских послов представители великого князя ответили, что к нему по поводу соли присылали и государь польский, и татарский, и ливонский магистр, и шведский правитель, — и всем им было отказано: великий князь не желает чужой соли, так как имеет достаточно своей.³²

Из отчета о русско-ганзейских переговорах 1510 г. следует, что представители Василия III передали ганзейскому посольству ту же мотивировку решения великого князя, что и ливонскому посольству 1509 г.: великий князь решил запретить ввоз иноземной соли, потому что считал, что в его стране есть достаточно собственной соли. Насколько искренней была эта мотивировка? Не являлась ли ссылка на стремление обойтись собственной солью лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы скрыть истинную причину запрета, заключавшуюся, как полагала Р. Кентманн, в желании подорвать экономику ливонских городов?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, обратим внимание на то, что запрет, согласно заявлению русских представителей, в 1510 г. распространялся не только на Ливонию, но и на другие страны — Литву, Крымское ханство, Швецию. Существование широкого запрета на ввоз соли в Россию подтверждается и другими источниками. Так, в датированном 1498 г. ответе Ивана III послам Александра Казимировича по поводу жалобы смоленских купцов на действия вяземского наместника Ивана Шадры читаем: «а что еси нам жалобницу подал смоленского купца Максима, — велел говорить Иван III, — а жалуется на нашего наместника на вяземского на Ивана, что у него велел взяти девять берковск

²⁹ LUB 2, Bd. III, N 617.

³⁰ AR, Bd. III, N 47, § 27.

³¹ Русско-ганзейский конфликт длился с 1494 г. (см. далее, стр. 205).

³² LUB 2, Bd. III, N 775, § 49—51.

соли. И наш наместник Иван сказывает, что соль у него взял в заповеди, что мы велели заповедати, не велели есми ниотколе соли возити в свои земли; а соли сказывает взял у него пять бочек да два меха; и мы ныне тому человеку велим ту соль отдати». ³³ Из ответа Ивана III следует, что в последние годы XV в. был введен запрет на ввоз соли в Россию из-за границы, распространявшийся на все страны. Запрет продолжал существовать и в начале XVI в., как об этом свидетельствуют материалы русско-ливонских переговоров 1509 г. и русско-ганзейских переговоров 1510 г.

Широта запрета снимает, как нам кажется, предположение о его антиливонской направленности и заставляет причину запрета искать не в соображениях внешнеполитических (взаимоотношения России с каждой из соседних стран имели свою специфику, поэтому вряд ли было возможно и целесообразно прибегать к одинаковым мерам экономического воздействия на них), а в обстоятельствах внутреннего порядка. Возможно, как полагает С. Свенссон, политика правительства была обусловлена ростом в начале XVI в. русской соледобывающей промышленности. Предположение С. Свенссона вполне допустимо, но, к сожалению, оно не может быть подкреплено сводными данными о состоянии соледобычи в России в начале XVI в. по сравнению с предшествующим периодом — такие данные в литературе отсутствуют. Нам кажется, что на политику правительства в отношении ввоза иностранной соли оказало влияние расширение соляных ресурсов во владениях, находившихся под властью великого князя, происшедшее в результате присоединения Новгорода к Великому княжеству Московскому. Вместе с Новгородом под власть Москвы перешел русский Север, Поморье, ставшее в XVI в. поставщиком соли для всей страны. ³⁴ Расширение соляных ресурсов и побудило, вероятно, русское правительство сделать попытку удовлетворить потребности России за счет собственной соли. Объективно политика правительства должна была содействовать развитию русской соледобывающей промышленности, поэтому она может рассматриваться как одно из очень ранних проявлений русского протекционизма.

Специальный комплекс статей новгородско-ливонского договора 1509 г. был посвящен вопросам юрисдикции и судопроизводства. Наряду с обычными для русско-ливонских договоров взаимными обязательствами оберегать и судить лиц противоположной стороны «как своих» и положением о том, что «истец должен

³³ Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 261; см. также: А. Л. Хорошкевич. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—начале XVI в. В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, стр. 21.

³⁴ Е. И. Заозерская. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. М., 1970, стр. 99.

знать истца»,³⁵ в договор были включены совершенно новые статьи. Чтобы понять то новое, что они вносили, необходимо сделать краткий экскурс в область русско-ганзейских и русско-ливонских правовых отношений, касающихся вопросов юрисдикции.

Еще в первый период новгородско-немецкой торговли устанавливается правило, что тяжба, возникшая у купца на чужбине, должна разрешаться там, где она возникла.³⁶ Немцы в Новгороде по тяжбам, возникавшим у них с новгородцами, судились судом тысяцкого при церкви св. Ивана на Опоках, по тяжбам и конфликтам между немцами — властями немецкого двора, согласно правилам скры (устава немецкого двора). Новгородцы в немецких городах, по-видимому, в случае любых конфликтов (и с немцами, и между собою) судились местными властями в соответствии с действовавшим в каждом городе правом (никаких сведений о судебных функциях русских купеческих организаций за границей вплоть до середины XVI в. нет).³⁷ После присоединения Новгорода к Русскому централизованному государству и ликвидации органов власти Новгородской вечевой республики судебные функции по отношению к немецким купцам перешли в руки великокняжеских наместников в Новгороде. При этом основы юрисдикции остались неизменными: купца, находящегося на чужбине, судили местные власти.³⁸ Это положение с особенной четкостью сформулировано в русско-ливонских договорах 1481 и 1493 гг. применительно к русским, находящимся в Ливонии: «А на котором городе почнетца каково дело новгородцу, в мистрове державе и в арцыбискупове державе и в бискупных державах: ино туто ему и управа дати, по исправе и по крестному целованью; а доспеется новгородцу-купцу каково дело на Ризе, или на Юрьеве, или на Колывани, или на Ругодиве, ино на том городе управа дати». ³⁹ Здесь дела гражданские и уголовные не дифференцируются, но само отсутствие этой дифференциации говорит о том, что купцы, находящиеся на чужбине, по всем делам судились местными властями.

С конца XV в. существующие принципы юрисдикции стали вызывать недовольство русского правительства. Это было обусловлено, с одной стороны, развитием торговли русских купцов в ливонских городах, благодаря чему они все чаще попадали под

³⁵ LUB 2, Bd. III, № 583, S. 421—422; ср. договоры 1481 и 1493 гг.: АЗР, т. I, № 75, стр. 96—97 и № 112, стр. 131—132. Формула «истец должен знать истца» предусматривала, что к ответственности должен привлекаться только виновный, а не другие лица одной с ним национальности, как это часто имело место в практике русско-немецкой торговли.

³⁶ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг. ГВНП, № 29, стр. 57.

³⁷ И. Э. Клейненберг. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. (резюме). Изв. АН Эст.ССР, серия обществ. наук, Таллин, 1962, стр. 255.

³⁸ По-прежнему в Новгороде это правило распространялось на немцев лишь в случае их конфликтов с новгородцами.

³⁹ АЗР, т. I, № 112, стр. 131; ср. № 75, стр. 96.

действие чужого и порою более тяжелого, чем русское, права, с другой — политикой покровительства внешней торговле русского купечества, проводившейся великокняжеским правительством. В 1494 г. в ответ на казнь в Ревеле двух русских купцов, виновных в уголовных преступлениях (один, согласно действовавшему в Ревеле Любекскому праву, был сварен в котле, другой — сожжен), Иван III закрывает немецкий двор в Новгороде. В последующие годы в качестве одного из условий ликвидации русско-ганзейского конфликта и возобновления торговли ганзейцев в Новгороде русские власти выдвигают требование о выдаче «злодеев», виновных в насилиях над русскими в ливонских городах, причем под «злодеями» подразумевались в первую очередь ревельские судьи, действовавшие на основе признаваемой до сих пор обеими сторонами юрисдикции. Это обстоятельство показывает, что с середины 90-х годов великокняжеское правительство встало на путь отказа от признания традиционной юрисдикции, что должно было неминуемо повлечь постановку вопроса о ее изменении.⁴⁰ Осуществлено это изменение было договорами 1509 г.

Согласно новгородско-ливонскому договору 1509 г., разбору местных властей подлежали только мелкие тяжбы между русскими и немцами, иски по которым не превышали 10 руб.; все более крупные тяжбы по гражданским делам, а также все уголовные проступки, совершенные немцами в Новгородской земле или новгородцами в Ливонии, передавались на рассмотрение смешанных судов из представителей русской и немецкой сторон, которые собирались на границе на общем острове на Нарове.⁴¹ Эти правила означали введение более совершенных принципов юрисдикции, при которых лица, находящиеся за границей, освобождались по очень широкому кругу дел из-под действия чужого права и произвола чужих властей и должны были подлежать смешанному, а потому и более объективному суду. Новые принципы юрисдикции были введены, как это явствует из известий некоторых источников, по настоянию русской стороны; так, в рецессе съезда ливонских городов в Вендене от 22 июля 1509 г., посвященного, в частности, обсуждению заключенных договоров, по поводу «статей о суде» отмечается, что на них настояли русские.⁴² Добившись согласия ливонских ландесгерров на пересмотр традиционных принципов юрисдикции, русское правительство сделало важный шаг по пути создания более благоприятных условий для пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии.⁴³

⁴⁰ Н. А. Казакова. Из истории ганзейской политики русского правительства в последние годы XV в. (русско-ганзейские переговоры 1498 г.). Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 155—156.

⁴¹ LUB 2, Bd. III, N 583, S. 421—422.

⁴² AR, Bd. III, N 47, § 42.

⁴³ Выгодность статей о суде для русских благодаря все большему перемещению в ливонские города из Новгорода центра русско-немецкой торговли подчеркивает и Кентманн (R. Kentmann. Op. cit., S. 63).

С условиями пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии связана и имеющаяся в новгородско-ливонском договоре 1509 г. статья о русских церквях в ливонских городах. Эта статья гласит: «А церкви божьи русские в державе магистра и архиепископа и епископов, где бы они не были, те церкви очистить и держать по старине и их не обидеть».⁴⁴ Вопрос о русских церквях в ливонских городах был поставлен во внешней политике России еще во второй половине XV в. По псковско-дерптскому договору 1474 г., дерптский епископ брал на себя обязательство русский конец (часть города, где останавливались русские купцы) и русские церкви в Дерпте «держати чисто» и «ни обидити». В 1481 г. это обязательство было включено в русско-ливонский договор. В договоре 1493 г. эта статья получила более широкую редакцию и превратилась в обязательство ливонских ландесгерров в отношении всех русских церквей в ливонских городах.⁴⁵ Именно в этой редакции она была включена и в новгородско-ливонский договор 1509 г.

Настойчивое внимание русского правительства к вопросу о положении русских церквей в ливонских городах не случайно. Ввиду отсутствия в конце XV—начале XVI в. в ливонских городах русских купеческих подворий, подобных немецкому двору в Новгороде, русские церкви в Риге, Ревеле и Дерпте являлись не только местами религиозного культа, но и организующими центрами русского купечества (в них хранились товары, в помещениях при церквях устраивались пиршества и т. д.⁴⁶). Поэтому подтверждение гарантий в отношении русских церквей являлось важным элементом заботы русского правительства о создании благоприятных условий для развития заграничной торговли русского купечества.

Ликвидацию инцидентов, имевших место в сфере торговли, преследовали статьи договора 1509 г. о выдаче новгородских купцов и их товаров, задержанных в ливонских городах.⁴⁷

Ряд статей новгородско-ливонского договора 1509 г. был посвящен условиям проезда послов обеих сторон. Наряду с обычной для русско-ливонских договоров гарантией чистого пути для послов великого князя и новгородских наместников в Ливонию и для ливонских послов в Новгород они содержали новое обязательство ливонских властей о предоставлении чистого пути послам великого князя к другим государям и послам других государей к великому князю при проезде через территорию Ливонии.⁴⁸ Это

⁴⁴ LUB 2, Bd. III, N 483, S. 423.

⁴⁵ Договоры 1474, 1481, 1493 гг. ГВНП, № 78, стр. 133; АЗР, т. I, № 75, стр. 97 и № 112, стр. 132.

⁴⁶ Hansisches Urkundenbuch, Bd. XI. München—Leipzig, 1916, N 525, 582.

⁴⁷ LUB 2, Bd. III, N 583, S. 422.

⁴⁸ Там же, стр. 421.

обязательство возникло под влиянием расширявшихся в то время сношений России с государствами Западной Европы.

Несколько непроанализированных нами статей договора — о выдаче воров, беглецов и рабов⁴⁹ и некоторые другие — имели целью регулирование различных, возникавших в повседневной практике пограничных отношений случаев.

Таково содержание новгородско-ливонского договора 1509 г.

Договор Пскова с Ливонией был заключен прибывшим в Новгород псковским посольством в составе посадников Михаила Юрьевича Ледова, Александра Степановича Киверникова, Григория Яковлевича Котлова,⁵⁰ наместника владыки Василия Игнатьевича Галкина, купеческих старост Ивана Харитоновича Пученкина и Якова Ермолина, старого городского дьяка Алексея Михайловича и городского дьяка Захария.⁵¹ С ливонской стороны участвовал тот же состав посольства, что и при заключении новгородско-ливонского договора (см. стр. 196). Договор был заключен сроком на 14 лет, начиная с 25 марта 1509 г.

Псковско-ливонский договор предусматривал регулирование пограничных отношений, торговли, принципов юрисдикции, а также посольских сношений. Подтверждалась неприкосновенность старой границы, свобода проезда и торговли для купцов обеих сторон (исключая торговлю солью для немецких купцов в Пскове и Псковской земле), вводились новые, те же, что и зафиксированные в новгородско-ливонском договоре, принципы юрисдикции и нормы судопроизводства в отношении находящихся на чужбине купцов. На ливонскую сторону возлагалось обязательство русские церкви и концы в ливонских городах очистить и держать по старине, а также обязательство выдать задержанных псковских купцов и их товары; послам обеих сторон гарантировать безопасность и беспрепятственный проезд.⁵²

При сравнении соответствующих разделов псковско-ливонского и новгородско-ливонского договоров бросается в глаза их одинаковая направленность — стремление к установлению прочного мира на границе и созданию условий, благоприятствующих развитию торговли, особенно торговли русских купцов в Ливонии (последнее находило свое выражение в псковско-ливонском договоре не только в статьях о русских церквях и концах и нормах юрисдикции, но и в предоставлении псковским купцам права вести в Ливонии торговлю оптом и в розницу,⁵³ в то время как немецким купцам право розничной торговли в Псковской земле не давалось). Одинаковая направленность договоров, подчеркиваемая

⁴⁹ Там же, стр. 422.

⁵⁰ В источниках того времени посадник Г. Я. Котлов неизвестен, зато упоминается посадник Г. Я. Кротов, который, видимо, и находился в составе псковского посольства.

⁵¹ Договор Пскова с Ливонией. LUB 2, Bd. III, N 584, S. 424.

⁵² LUB 2, Bd. III, № 584.

⁵³ Там же, стр. 425.

одинаковыми формулировками ряда статей,⁵⁴ объясняется тем, что хотя Псков не вошел еще в состав Русского государства, но его политика определялась в значительной степени политикой великокняжеского правительства. Это имело место и при заключении договора 1509 г.

Большой интерес для характеристики русско-ливонских отношений и внешней политики России начала XVI в. представляет анализ псковско-дерптского договора 1509 г. Наиболее раннее упоминание о заключении особого псковско-дерптского договора имеется в источниках, как мы уже указывали, под 1463 г.,⁵⁵ первый сохранившийся текст договора датируется 1474 г.⁵⁶ (договор 1474 г. с Дерптским епископством был заключен Новгородом и Псковом). По-видимому, в конце XV—начале XVI в. псковско-дерптские договоры заключались каждый раз при заключении русско-ливонских договоров, но до нас дошел, помимо договора 1474 г., только текст договора 1509 г.

Псковско-дерптский договор 1509 г. был заключен в Новгороде одновременно с двумя другими русско-ливонскими договорами. В заключении его с псковской стороны участвовал тот же состав посольства, что и при заключении псковско-ливонского договора (см. стр. 207), с дерптской — представители епископа дерптского Иоганн Кавер («Иван Ковер») и Керстен Зойе («Керстен Сюге»). В введении к договору указывалось, что он был заключен «по божьей воле и по великаго господара веленью царя русского Василья».⁵⁷

Первая статья договора устанавливала продолжительность заключенного мира — 14 лет. Вторая статья, на анализе которой мы остановимся далее, гласила: «А дань благовернаго господара, царя русского, и старые залогы — и то честному бискупу юрьевскому давать по старине по крестному целованью».

Следующая группа статей касалась границы: подтверждался старый рубеж между Псковом и Дерптским епископством, предусматривалось недопущение различных случаев его нарушения. Все эти статьи совпадают (лишь с незначительными изменениями формулировок) с соответствующими статьями договора 1474 г.⁵⁸

Группа статей договора 1509 г. была посвящена вопросам торговли псковичей в Дерптском епископстве. Важнейшие из них

⁵⁴ Мы ограничиваемся самой общей характеристикой псковско-ливонского договора 1509 г. как благодаря совпадению (или близости) ряда его статей со статьями новгородско-ливонского договора, так и в силу того, что многие включенные в него нормы представляют интерес не столько для характеристики международного положения России, сколько для изучения истории торговли Пскова.

⁵⁵ Псковская третья летопись. В кн.: Псковские летописи, вып. II. М., 1955, стр. 155—156.

⁵⁶ ГВНП, № 78.

⁵⁷ Книга посольская метрики Великого княжества Литовского (далее — Книга посольская), т. II. М., 1843, № 70, стр. 163.

⁵⁸ Там же, стр. 163—164; ср.: ГВНП, № 78, стр. 133—134.

следующие: псковичам гарантировался чистый путь, а также право торговли всяким товаром оптом или в розницу; торговать псковичи могли в Дерптском епископстве не только с его купцами, но и с купцами других частей Ливонской конфедерации; для псковских купцов в Дерптском епископстве отменялись таможи и таможенные сборы, по-видимому, так следует толковать статью: «А колоде по всей Юрьевской земли не быти нигде, и гостинца от того не имети».⁵⁹ Названные статьи, имевшиеся уже в договоре 1474 г.,⁶⁰ подтверждали важные права псковских купцов в Дерптском епископстве: право розничной торговли, гостевой торговли (с купцами из других частей Ливонии), свободу от таможенных сборов (эти права в средние века иноземным купцам, как правило, не предоставлялись⁶¹). Купцы Дерптского епископства, которым в общей форме гарантировалась свобода проезда и торговли в Пскове и Псковской земле, подобных прав не имели. Более того, псковско-дерптский договор 1509 г. вводил для них, как и псковско-ливонский договор 1509 г. для всех ливонских купцов, запрет на ввоз соли в Псков и Псковскую землю.⁶²

Созданию условий, благоприятствующих пребыванию и деятельности псковских купцов в Дерптском епископстве, должны были способствовать и статья о русских церквях и конце в Дерпте, повторяющая соответствующую статью договора 1474 г., и вновь вводимые правила юрисдикции в отношении находящихся на чужбине купцов, аналогичные соответствующим нормам двух других русско-ливонских договоров 1509 г.⁶³

Ряд статей договора регулировал посольские сношения, а также различные случаи, возникавшие в практике пограничных отношений, — вопрос о выдаче беглых холопов, воров и т. д. Источником этих статей являлись либо статьи более ранних псковско-дерптских договоров, либо новые нормы, внесенные в два других русско-ливонских договора 1509 г.⁶⁴

Специального анализа заслуживает приведенная нами выше вторая статья договора, обязывающая дерптского епископа уплачивать дань великому князю московскому. Это обязательство, читающееся в договоре Новгорода и Пскова с Дерптским епископством 1474 г. в более расширенной редакции, впервые упоминается в сообщении псковской третьей летописи о заключении договора 1463 г., текст которого до нас не дошел.⁶⁵ По вопросу

⁵⁹ Книга посольская, т. II, стр. 164.

⁶⁰ Изменению подверглась статья о колоде. В договоре 1474 г. она имеет двусторонний характер: «А колоду на обе стороне отложыхом, и гостинца от того не имати» (ГВНП, № 78, стр. 134), а в договоре 1509 г. касается лишь Дерптского епископства.

⁶¹ И. М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пгр., 1918, стр. 171.

⁶² Книга посольская, т. II, № 70, стр. 164.

⁶³ Там же. стр. 165—166; ср. выше, стр. 203, 205—207.

⁶⁴ Книга посольская, т. II, № 70, стр. 166—167; ср.: ГВНП, № 78, стр. 134—135, а также выше, стр. 206—207.

⁶⁵ ГВНП, № 78, стр. 133; см. выше, прим. 55.

о происхождении и характере юрьевской (дерптской) дани в литературе высказывались различные точки зрения. С. М. Соловьев считал, что в основе юрьевской дани лежит обязательство уплачивать дань русским великим князьям, принятое дерптским епископством после поражения, которое войска князя Ярослава Всеволодовича нанесли немцам под Юрьевом в 1234 г.⁶⁶ По мнению И. И. Юрьенса, истоки юрьевской дани следует искать в даннических отношениях к Пскову латышей Толовы, прослеживаемых по источникам еще в конце XIII в. и затем перешедших на дерптского епископа, как наиболее слабого члена Ливонской конфедерации.⁶⁷ К. Штерн полагал, что Иван III для требования юрьевской дани использовал существовавшее исстари соглашение между дерптским ратом и Псковом, по которому рат должен был ежегодно передавать русским церквам определенную денежную сумму, собираемую в виде налога с русского населения Дерпта.⁶⁸ В последнее время было высказано мнение, что требование об уплате дани было предъявлено впервые Дерптскому епископству правительством Ивана III в 1463 г. и что для обоснования его Иван III использовал какие-то неясные для нас отношения, существовавшие ранее между Дерптским епископством и Псковом (или великими князьями), связанные с уплатой епископом денежной суммы.⁶⁹ Очевидно, из-за отсутствия достаточных указаний источников решение вопроса о происхождении и содержании юрьевской дани не может выйти за рамки различного рода предположений.

Что касается вопроса о значении для русско-ливонских отношений факта включения в псковско-дерптские договоры (начиная с 1463 г.) статьи о праве великих русских князей на юрьевскую дань, то значение этого факта в литературе преувеличивается: право на юрьевскую дань рассматривается обычно как выражение притязаний великих князей на верховную власть над Ливонией.⁷⁰ Между тем, если такое толкование правильно по отношению к кануну Ливонской войны, когда во время русско-ливонских переговоров 1554 г. с требованием уплаты не выплачиваемой в течение 50 лет дани был связан вопрос об «исторических правах» России на Дерптскую область, а расширительно и на всю территорию Ливонии,⁷¹ то оно вряд ли применимо к концу XV—на-

⁶⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 3, кн. II. М., 1960, стр. 127.

⁶⁷ И. И. Юрьенс. Вопрос о ливонской дани. Варшавские университетские известия, 1913, № 6, стр. 1—8; № 7, стр. 9—16; № 8, стр. 17—32; № 9, стр. 33—57.

⁶⁸ С. Stern. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558. Riga, 1936, S. 6—10.

⁶⁹ Н. А. Казакова. Русь и Ливония..., стр. 321—323.

⁷⁰ Этой точки зрения придерживался и автор настоящей статьи (Русь и Ливония..., стр. 323).

⁷¹ И. П. Шаскольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 397—398.

чалу XVI в. Источники этого периода не дают никаких указаний на стремление великокняжеского правительства связать с правом на юрьевскую дань какие-то особые права на Дерптское епископство, не говоря уже о всей Ливонии. Более того, сам факт равнодушного отношения русского правительства к многолетней невыплате дани свидетельствует о том, что сколько-нибудь серьезного значения ей не придавалось. Поэтому читающаяся в псковско-дерптском договоре 1509 г. статья о юрьевской дани не может, как нам кажется, изменить вытекающую из всего содержания договора характеристику его как акта, цели которого ограничивались установлением мира на западных рубежах России и содействием развитию внешней торговли. По направленности псковско-дерптский договор 1509 г. совпадает с двумя другими русско-ливонскими договорами этого года.

Русско-ливонские договоры 1509 г. имели большое значение для России. Они устанавливали мир на всем протяжении русско-ливонской границы, причем прочность этого мира гарантировалась не только статьями о заключении 14-летнего мира между всеми членами Ливонской конфедерации, с одной стороны, и Новгородом и Псковом — с другой, но и содержащимся в введении к новгородско-ливонскому договору обязательством ливонских ландстеров расторгнуть союз с Литвой и впредь в такой союз не вступать. Развитие событий в Прибалтике в конце XV—начале XVI в. показало, что в связи с созданием и укреплением Русского централизованного государства Орден не мог собственными силами осуществлять свои агрессивные планы против русских земель. Для ведения военных действий против России он нуждался в союзнике (напомним, что война 1501—1503 гг. была начата только после заключения Ливонией союза с Литвой), а благодаря указанному обязательству возможность иметь такого союзника исчезала; следовательно, исчезала и возможность возобновления агрессии Ордена против пограничных русских земель. Следствием принятого Ливонией по новгородско-ливонскому договору 1509 г. обязательства соблюдать нейтралитет в случае русско-литовского конфликта являлось также создание благоприятной обстановки для борьбы России за возвращение русских земель, оставшихся еще под властью Великого княжества Литовского. Таким образом, договоры 1509 г. не только закладывали действительно прочные основы для установления устойчивого мира на русско-ливонской границе, но и обеспечивали международную ситуацию, способствующую решению важнейшей внешнеполитической задачи России.

Договоры 1509 г. предусматривали далее, как мы это подчеркивали, возобновление и дальнейшее развитие русско-ливонской торговли и, что особенно важно, создание благоприятных условий для пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии. Последнее означало укрепление позиций русского купечества во внешней торговле. Вместе с тем активизация деятельности рус-

ских купцов в городах Ливонии, через которые осуществлялись торговые сношения с Западной Европой, давала импульс дальнейшему развитию этих сношений.

Русско-ливонские договоры 1509 г. способствовали, таким образом, упрочению международного положения России как в политическом, так и в экономическом плане.

Заключение русско-ливонских договоров 1509 г. было обусловлено не только могуществом Русского государства, отчетливо выявившимся во время войн начала XVI в., когда ему не смогла противостоять литовско-ливонская коалиция, но и некоторыми факторами международной жизни. Одним из них являлось, как уже отмечалось, подписание в 1508 г. «вечного» мира между Русским государством и Великим княжеством Литовским, другим — позиция Империи. Весной 1508 г., когда Сигизмунд, король польский и великий князь литовский, просил Ливонский орден о военной помощи против России,⁷² император Максимилиан в специальном письме Плеттенбергу советовал воздержаться от военных действий против великого князя московского, так как вражда с ним не в интересах Империи, занятой войной с французами и венецианцами.⁷³ Максимилиан исходил из совершенно правильной мысли о том, что вспышка нового конфликта между Россией и Ливонией (являвшейся частью Империи) осложнит международное положение Империи, активно участвовавшей в это время в итальянских войнах. Надо думать, что позиция императора учитывалась руководством Ливонского ордена при заключении в 1509 г. русско-ливонских договоров.

Хотя договоры 1509 г. несомненно отвечали интересам России, но рассматривать их как акты, имевшие отрицательные последствия для Ливонии, было бы неправильно. Договоры предусматривали невозможность повторения агрессии Ливонского ордена против России, и в этом плане они представляли собой дипломатическое поражение Ордена. Чрезвычайно болезненным был для ливонских городов вводимый договорами запрет на ввоз соли в Россию. Но в то же время установление прочного мира между Россией и Ливонией, создание условий для дальнейшего развития русско-ливонской торговли (запрет на ввоз соли в Россию был вскоре отменен⁷⁴) явились предпосылками подъема, которым

⁷² Письмо Сигизмунда Плеттенбергу от 23 июня 1508 г. LUB 2, Bd. III, N 397.

⁷³ Письмо Максимилиана Плеттенбергу от 19 мая 1508 г. LUB 2, Bd. III, N 374.

⁷⁴ Запрет на ввоз соли немецкими купцами в Россию был отменен по русско-ганзейскому договору 1514 г. (СГГД, ч. V, № 65; см. также: Н. А. Казакова. Русско-ганзейский договор 1514 г. Сб. «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР», М.—Л., 1963, стр. 557—587). Этот шаг русского правительства был обусловлен разными причинами. Одной из них являлось, очевидно, временное сближение между Россией и Империей, приведшее к заключению в 1514 г. союзного договора (СГГД, ч. V, № 66), другой — выявившаяся, как надо думать,

отмечена экономическая жизнь Ливонии первой половины XVII в.⁷⁵

Выгодностью в конечном счете русско-ливонских договоров 1509 г. для обеих сторон было обусловлено повторение их норм в последующих русско-ливонских договорах первой половины XVI в.⁷⁶ Значительное изменение содержания и формуляра договоров имело место лишь в договорах 1550 и особенно 1554 г., когда правительство Ивана IV готовилось поставить вопрос о необходимости для России получения выхода к Балтийскому морю.⁷⁷

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

СУДЬБА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

В Великом Новгороде к концу его независимого существования должен был накопиться очень богатый государственный архив. Прежде всего в этом архиве должны были храниться основные государственные акты, определявшие юридический статус Новгорода, его отношения с приглашаемыми на княжение князьями, а также главные законодательные документы — Новгородская судная грамота и т. д. Вследствие пограничного положения Новгородской земли Новгород вел сношения с пятью государствами — Литвой, Ливонией, Швецией, Норвегией и с Ганзейским союзом немецких торговых городов; внутри Руси Новгород имел частые сношения со многими удельными княжествами и с официальным главой русской феодальной иерархии — с великим князем владимирским, поэтому в архиве должна была отлагаться документация международных и внутрирусских дипломатических сношений. Обладая огромными владениями (охватывавшими почти всю северную половину Восточной Европы), Новгород, вероятно, имел и постоянно накапливал документацию о фискальном обложении подвластных территорий и о сборе повинностей. В государственном архиве скорее всего находились и документы о землевладении, судопроизводстве, текущих делах государственного управления и т. д.

невозможность для России покрыть спрос солью отечественного производства.

⁷⁵ История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 143—146; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 274.

⁷⁶ Договоры заключались в 1521 г. (Книга посольская, т. II, № 69; РЛА, № 369; СГГД, ч. V, № 95), в 1531 г. (СГГД, ч. V, № 105, 106; РЛА, № 377), в 1534 г. (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 7). Единственное изменение в них по сравнению с договорами 1509 г. — отсутствие запрета на ввоз соли в Россию.

⁷⁷ О договорах 1554 г. см.: И. П. Шаскольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. . . .